

Альбина **НУРИ**

УЗЕЛ СМЕРТИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каштыкиной*

Нури, Альбина.

Н90 Узел смерти : [роман] / Альбина Нури. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-249749-0

В тихом провинциальном Быстрорецке серия жутких самоубийств повергает жителей в ужас. Молодые мужчины, встречавшиеся с загадочной и чарующей Анастасией, один за другим кончают жизнь жестоким, необъяснимым образом. Помощник участкового Михаил, тревожась за своего лучшего друга Илью, оказывается втянутым в расследование этой мистической цепочки смертей. Вместе с Лелей, племянницей влиятельного чиновника, он погружается в пучину тайны, где реальность переплетается с потусторонним миром, а любовь становится смертельной ловушкой. Им предстоит столкнуться лицом к лицу с древним злом, чтобы спасти Илью и разрубить узел смерти, связавший судьбы стольких несчастных...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-249749-0

© Нури А., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Каждая могила — край земли.
Иосиф Бродский

Боюсь не смерти я! О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Михаил Лермонтов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

После Происшествия она сильно изменилась. Настолько, что почти перестала быть похожей на саму себя.

Если честно, Тася всегда казалась людям странной, об этом все кругом талдычили, сколько он себя помнил. Но сам Чак не видел в ней ничего необычного — ну, может, самую чуточку.

Да, она не любила того, что обожали другие дети: качаться на качелях, торчать часами напролет во дворе с другими ребяташками, играть в догонялки, жмурки и «сифу». Тася часами просиживала за столом: собирала мозаику, рисовала, а когда научилась писать и читать — писала стихи и читала приключенческие романы. Когда ее сверстники доросли до первых влюбленностей и свиданий, Тася оставалась прежней, увлеченной героями давно минувших эпох, ямбами, хореями и прочей чепухой.

АЛЬБИНА НУРИ

Да, была задумчива и молчалива, а если говорила, то часто невпопад; смотрела затуманенным взглядом и улыбалась чему-то своему блуждающей, зыбкой, как болотный огонек, улыбкой. Но Чак-то знал, отчего все это: просто Тася вечно мечтала о дальних берегах и в голове ее крутились стихотворные строчки, которые она хотела хорошенько запомнить, чтобы потом перенести на бумагу.

Да, она любила синий — и любовь эта проявлялась чересчур активно. Тася с малолетства отказывалась носить вещи других цветов, чем выводила из себя мать, которой приходилось выискивать по магазинам или шить синие пальто, шапки, платья, колготы, юбки, футболки, брюки, майки. Исключение Тася соглашалась сделать только для обуви, и то изредка, зато школьный ранец, пенал или покрывало на кровати были насыщенного лазоревого оттенка.

Как-то Чак спросил сестру, почему именно синий, а, например, не зеленый или красный, и она ответила вполне в своем духе:

— Потому что васильки — синие, Тотоша! — На всем белом свете только ей одной время от времени позволялось называть его так. — Они же самые лучшие, милые и — васильковые!

Как хочешь, так и понимай. Для самой Таси это было исчерпывающим объяснением, а другим, в принципе, она ничего и не должна была объяснять.

Узел смерти

Над ней посмеивались и, бывало, обижали, дразнили «синькой», но все это, только если Чак не слышал. Он всегда готов был броситься в бой, вступить за сестру, ввязывался в любую драку, защищая ее, даже если нет никаких шансов на победу, а его соперники крупнее и сильнее. Уже к пятому классу все окрестные хулиганы оставили Тасю в покое: то ли привыкли и устали смеяться над ней, то ли не хотели связываться с ее бешеным младшим братом.

Она была старше Чака на два года, но он всегда считал себя более взрослым, умудренным, зрелым. Что спорить: в глазах окружающих Тася, конечно, была чудаковатой. Но теперь сестра стала не просто странной — она сделалась...

Нет, нельзя так. Что он — идиот, чтобы бояться собственной сестры? Да и потом, Чак вообще никогда ничего не боялся и даже прозвище свое (которым втайне очень гордился) от мальчишек во дворе получил в честь знаменитого Чака Норриса, потому что был боевой, безбашенный и бесстрашный.

А толку-то от всего этого... Какой бы он ни был, как бы сильно они с матерью ни опекали Тасю, Происшествие все равно случилось.

Об этом полагалось говорить только так, не подбирая другого названия. Мать впервые произнесла это слово, потому что не могла говорить вслух, что произошло с ее дочерью,

АЛЬБИНА НУРИ

и с тех пор они, если и возвращались к этой теме, именовали случившееся в феврале только так — Происшествие.

Мать, кажется, до сих пор не верила, что все это действительно свалилось на их семью, хотя прошло уже больше двух месяцев и Тасю выписали из клиники.

Утром, через три дня после возвращения сестры, Чак вышел на кухню и увидел, что мать стоит возле окна и курит в форточку.

— А как же «курить — здоровью вредить»? — спросил Чак, открывая холодильник. Хотелось холодного молока. — Минздрав предупреждает.

— В стакан налей, нечего из горла тянуть, — привычно проговорила мать, явно думая о другом.

Чак послушно налил молока в стакан, стоявший возле раковины.

— Ты же вроде бросать собиралась.

— Собиралась, да вот... — Мать обернулась к нему, и Чак увидел, что глаза у нее красные, воспаленные. Ясно, опять не спала, плакала. — Бросишь тут.

— Мам... — начал было Чак, но мать махнула рукой.

— Она злится на меня. Мне кажется, она меня... ненавидит. Да, ненавидит. — Мать отошла от окна, раздавила бычок о блюдце и выбросила в мусорное ведро. — Я понимаю, есть за что! Да если бы я только... — На глаза опять

Узел смерти

набежали слезы, и она сердито смахнула их. — Чтоб они провалились, сволочи эти! Собственными руками удавила бы!

Зачем мать заговорила об этом? Невыносимо, невозможно! Чак с матерью всегда были, если можно так выразиться, в молчаливом сговоре: защищали хрупкую, неприспособленную, беспомощную, не разбирающуюся в людях Тасю от всех опасностей, которые вставали на ее пути. От самой жизни.

Но жизнь — грубая, жестокая, несправедливая — мощным потоком сорвала ворота с петель, сломала казавшийся надежным заслон и ворвалась в стеклянный игрушечный мир Таси, растоптав его, оставив лежать в руинах.

Чак думал, что это его вина, целиком и полностью.

А мать думала, что ее.

И пусть следователь с первого дня говорил, что ни в чем они не провинились, а те, кому положено, за все ответят, это ничего не меняло.

— Я с вечера борщ сварила, большую кастрюлю, — мать прижала руку к горлу, как будто хотела задушить сама себя, — а сейчас вот пришла, смотрю — там мусор.

— Что? — опешил Чак.

Холодное молоко, которое он очень любил, вдруг показалось прокисшим, и его едва не стошнило.

АЛЬБИНА НУРИ

— Помнишь, мы уже ложиться собрались, а она ни с того ни с сего взялась пол мести? Я еще ей говорю: «Ты чего это на ночь глядя?» Так она, оказывается, все, что намела по всей квартире, взяла и высыпала в кастрюлю!

— Зачем? — только и смог выговорить Чак, хотя понимал, что мать не знает ответа, как не знал его и он сам.

Это было неделю назад, и с той поры странностей становилось все больше. Они росли, росли, как снежный ком, который катают дети, чтобы поставить в основание снеговика, и стали такими огромными, что грозили придавить их с матерью.

Однажды вечером они вернулись домой — Чак после тренировки, мать с работы — и обнаружили, что все зеркала в доме перебиты. Не только зеркала, но и дверцы книжного шкафа тоже оказались расколоты на мелкие кусочки. Тася собрала осколки в кучу и теперь сидела возле груды стекла, погрузив туда обе руки, не обращая внимания на кровь, идущую из порезов, смотрела в потолок, как будто видела там кого-то, и улыбалась.

Когда мать заикнулась о том, чтобы купить новое зеркало и починить шкаф, Тася сказала, глядя сквозь нее:

— Не вздумай. Не хочешь битое стекло грызть? Тогда не смей.

Она перестала есть рыбу и овощи — только мясо и сладкое, в чудовищных количествах

Узел смерти

и невероятных сочетаниях: вафли с салом, мармелад с котлетами. В некоторые дни ела много, неопратно, не замечая перепачканных рук и чужезного лица. А иногда наотрез отказывалась от пищи, выплевывала то, чем мать пыталась накормить ее, прямо на пол.

По вечерам сестра часами стояла возле окна, глядя в одну точку. Как-то раз Чак подошел к ней и взял за руку. Ладонь была холодная и скользкая, как кусок подтаявшего льда. Стоял по-летнему знойный май, в комнате было жарко, и Чак от неожиданности отдернул руку. Тася повернула к нему голову и проговорила:

— Студёно? А я теперь и внутри вся такая! Корки льда на кишках, по жилам холодная кровь бежит!

И принялась смеяться. Смотрела на него и хохотала, а глаза при этом блестели от злости и непролитых слез. Чак не выдержал и выбежал из комнаты.

Тася больше не читала книг, не рисовала и не писала стихов. В этом году сестра должна была окончить первый курс — она училась в университете на историческом факультете, — но об учебе и речи не шло, поэтому пришлось оформить академический отпуск. Врачи сказали матери, что через какое-то время Тася, возможно, сможет вернуться в университет, но никто не брался прогнозировать, когда это будет.

АЛЬБИНА НУРИ

— Они говорят, ее умственные способности не пострадали, но пока неясно, сможет ли она усваивать что-то. А главное, захочет ли. — Мать кусала губы, голос ее дрожал. — Конечно, это совсем не важно. Учеба не главное. Лишь бы она выздоровела.

Только сестре становилось хуже. Физически Тася оправилась, но вот душевное здоровье... Ее выписали из психиатрической клиники: мать настаивала на этом, да и доктора считали, что патологий нет, а домашняя обстановка поспособствует выздоровлению. Но Чак, стыдясь своих мыслей, думал, что лучше бы Тася оставалась в больнице.

Днем Чак был в школе, дважды в неделю ходил на тренировки — три года назад увлекся боксом. Возвращался домой (хотя идти туда хотелось с каждым днем все меньше) после обеда, и до прихода матери они с Тасей были в квартире одни.

Несмотря на все ее выходки, непонятные слова и фразы, которые сестра теперь произносила не так, как раньше, а то нараспев, то отрывисто, будто не говорила, а лаяла, днем Чак ее почти не боялся. Рядом с Тасей было неловко, он находился в постоянном напряжении, но страха не было.

Чак признавал, что сестра больна — но это все же она, в вечных своих синих нарядах, с веснушками на носу и бледно-голубыми, чуть

Узел смерти

навыкاته большими глазами. Чаще всего Тася сидела в своей комнате: тихая, бледная, похожая на сонную рыбину. Она и по квартире передвигалась, будто плавала в аквариуме — неспешно, плавно, то и дело замирая на месте, словно проваливаясь куда-то.

А вот ночью все выглядело другим.

Ночью Тася становилась опасной. По-настоящему опасной.

Мать работала старшей медсестрой в больнице, и периодически ей выпадали ночные дежурства. Тогда Чак оставался с Тасей наедине, и даже самому себе не мог признаться, до чего его стали пугать эти ночи. Когда они ночевали вдвоем, Чаку тоже бывало жутковато, но все же их было двое — он и мать. А вот когда мать уходила...

Тогда Чаку казалось, что кроме него людей в их тесной квартирке-хрущевке нет. Потому что Тася, его любимая сестра, милая и нежная, как ребенок, по какой-то причине перестала быть человеком, превратившись в жуткое существо, мотивы и поступки которого невозможно предугадать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Как хозяева себя ведут! Не пройдешь мимо них — обкурят, обматерят!

Голос женщины, напоминающий визг дрели, все повышался и повышался, ввинчиваясь в мозг, и Михаилу казалось, что его голова вот-вот лопнет, как переспелый арбуз. В последние дни стояла жара под тридцать градусов, и, кажется, даже растущий на узком подоконнике кактус, колючий сын пустыни, страдал от зноя. Открытое окно не спасало от духоты, вентилятор молотил вхолостую, гоняя по комнате горячий воздух.

— Вы когда шевелиться будете, я вас спрашиваю? Когда они меня убьют?

«Они-то вряд ли решатся, а вот я уже почти готов!» — подумал Миша, а вслух затянул привычно-монотонное:

— Ваше заявление я принял, мы рассмотрим, примем меры. По указанному адресу...

Узел смерти

— Миллион раз уже принимали! А они все равно каждый вечер нажрут и гогочут до ночи! Целая толпа — всю лестницу заплевали! А я вам говорила, что презерватив на подоконнике нашла?

— Говорили. Я даже записал.

«Господи, да иди уже, провались к чертям собачьим!»

— Вот и хорошо, что записали! Когда придете? Сегодня?

— Сегодня приемный день.

— И что?

— Вы же пришли. Я вас принял. И другие придут.

— Тогда завтра?

— В пятницу. Не раньше.

— Но в пятницу точно придете?

— Точно, — обреченно сказал Миша, точно зная, что она не отвяжется.

Голикова, полная одышливая дама с мясистым носом и короткими волосами модного некогда оттенка «баклажан», была одной из тех, кого они с Ласточкиным называли ходоками.

Чаще всего ходоки были одинокими пожилыми людьми и, то ли от переизбытка свободного времени, то ли в силу природной склонности, мотались к участковым по поводу и без, выносили мозг всякой ерундой, скандалили, грозили пожаловаться начальству.

АЛЬБИНА НУРИ

Миша работал здесь четвертый месяц, но Голикова уже успела достать его до печенок. То ей мешали соседи сверху, то снизу, то кто-то сорвал тощие нарциссы, которые она посадила во дворе, а теперь вот ее беспокоили наглые подростки.

Перерывов Голикова не делала, являлась практически ежедневно, и единственный раз, по словам Ласточкина, когда от нее удалось избавиться на целых полтора месяца, пришлось на операцию по удалению желчного пузыря: Голикова сначала долго лежала в больнице, а потом отправилась в санаторий.

— Хорошо, — удовлетворенно ответила женщина, поднимаясь со стула. — Потому что, если вы не придете, я буду...

— Знаю, что будете, — поморщился Миша. — Я приду.

Голикова победно вскинула голову и выплыла из кабинета, огромная и грозная, как нефтяной танкер.

Миша бросил взгляд на часы. Еще немного — и можно ехать домой. Оставалось надеяться, что больше никого из ходоков сегодня не принесет, а с остальными он как-нибудь разберется.

Кабинет, который они делили с Ласточкиным, находился на первом этаже девятиэтажки-малосемейки, с торца дома, и был переделан из однокомнатной квартиры. Здесь было тес-

Узел смерти

но — два стола, четыре стула, диван и несколько шкафов с документами, но идеально чисто, потому что Ласточкин повернут на порядке и аккуратности. Граждан они принимали три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам, по два часа, и в эти часы желающие топтались на улице.

Сейчас под окном жужжали голоса, и это означало, что страждущих немало. Михаил вздохнул и пригласил войти следующего.

Когда до конца приема оставалось пятнадцать минут, разговоры под окном стихли: поток посетителей иссяк. Миша воспрял духом, предвкушая, что скоро рабочий день закончится, можно будет вырваться из этой душегубки и пойти с Ильей пить пиво, как они и договаривались.

Он уже собрался было подняться из-за стола, как раздался осторожный стук в дверь.

«Кого еще принесло?» — раздраженно подумал Миша и отрывисто произнес, с трудом скрывая недовольство:

— Да! Войдите.

Посетитель немедленно протиснулся в дверь: бочком, как краб, приоткрыв ее на несколько сантиметров и придерживая одной рукой. Второй он прижимал к себе толстую серую папку с завязками. Это был длинный, как шланг, худой, совершенно седой мужчина лет пятидесяти, одетый в вытертые (не по моде, а от долгого

АЛЬБИНА НУРИ

ношения) джинсы, зеленую рубашку с коротким рукавом и коричневые сандалии.

Войдя, он не сделал попытки пройти к столу и застыл у входа, удивленно разглядывая Михаила.

— Добрый день, — поздоровался он глуховатым, прокуренным голосом. — Простите, а где капитан Ласточкин?

— Сегодня я веду прием, — ответил Миша, изо всех сил стараясь держаться солидно и строго.

— А Ласточкин где? Уволился? — продолжал настаивать мужчина.

— Почему сразу уволился? Мы теперь вместе работаем. Помощник участкового уполномоченного лейтенант Матвеев, — представился Миша. — Так вы по какому вопросу? Или вам именно Ласточкин нужен?

На лице посетителя отразилась внутренняя борьба. Он колебался, не зная, как поступить, и переминался с ноги на ногу, прижимая к себе свою папку. Миша с надеждой подумал, что в итоге седовласый развернется и уйдет, но тот, внезапно решившись, быстро пересек кабинет и подошел к столу, за которым сидел Михаил.

— С какой-то стороны так даже лучше, — пробормотал посетитель, усаживаясь на стул. — Ласточкину я уже сто раз говорил, но он не воспринял. Он, по-моему, мои слова вообще